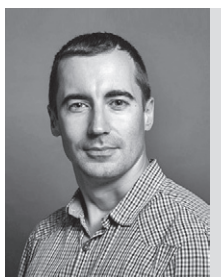

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ*

Сергей Владимирович Володенков,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко,

Московский государственный областной университет,
Мытищи, Россия,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 84–103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 21-011-31089 «Структура и особенности функционирования цифрового пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций».

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., 2022

Аннотация

Процессы цифровизации, усиленные и ускоренные пандемией COVID-19, оказывают серьезное воздействие на общественно-политическое пространство. Целью настоящего исследования является анализ рисков и перспектив цифровой трансформации для традиционных политических институтов. На основе выделенных британским социологом К. Краучем признаков постдемократии, в качестве ключевых для исследования традиционных политических институтов определены государство, гражданство, парламентаризм и выборы. Кроме того, цифровые трансформации выступают триггером зарождения новых институтов, влияющих на политические действия человека в социуме. В этой связи авторы статьи подчеркивают, что нельзя проигнорировать претензии технологических корпораций на обретение статуса нового политического института, от которого начинает зависеть общественно-политическая коммуникация между гражданами и государством. В ходе исследования получен ряд научных результатов. Проанализирована актуальная практика цифровизации общественно-политических процессов. Особое внимание уделено кейсам цифровой платформизации и деплатформизации со стороны глобальных технологических корпораций как политических субъектов нового типа. Сделан вывод о том, что стремительные технологические изменения оказывают существенное влияние на структурные, содержательные и функциональные параметры традиционных институтов власти, которые вынуждены для сохранения своей эффективной жизнеспособности адаптироваться к новой цифровой среде, обладающей высокой степенью сложности и разнообразия. При этом цифровые технологические трансформации нельзя определить как однозначно конструктивные или деструктивные. Для традиционных политических институтов существуют как позитивный, так и негативный потенциалы цифровизации, тесно переплетенные между собой в сложную систему цифровых эффектов и общественно-политических последствий институциональных изменений как для самого государства, так и для общества. В заключительной части статьи выделены перспективные направления дальнейшего изучения процессов цифровизации общественно-политического пространства.

Ключевые слова:

цифровизация политики, традиционные политические институты, цифровая трансформация, технологические корпорации.

TRADITIONAL POLITICAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: RISKS AND PROSPECTS OF TRANSFORMATION*

Sergey V. Volodenkov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko,

Moscow Region State University,
Mytishchi, Russia,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Article received on December 15, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2022). Traditional Political Institutions in the Context of Digitalization: Risks and Prospects of Transformation. *Discourse-P*, 19(1), 84–103. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84

Abstract

The processes of digitalization, intensified and accelerated by the COVID-19 pandemic, have a serious impact on the socio-political space. This research aims to analyze the risks and prospects of digital transformation for traditional political institutions. Based on the signs of post-democracy identified by the English sociologist C. Crouch, the study defines the state, citizenship, parliamentarism and elections as the key traditional political institutions. In addition, digital transformations act as a trigger for emergence of new institutions that influence the political actions of a person in society. In this regard, the authors of the article emphasize that it is impossible to ignore the claims of technology corporations to acquire the status of a new political institution, on which socio-political communication between citizens and the state begins to depend. In the course of the study, the following scientific results are obtained. The current practice of socio-political processes digitalization is analyzed. Special attention is paid to the cases of digital platformization and de-platformization on the part of global technology corporations as political actors

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research according to the research project № 21-011-31089 “The structure and peculiarities of contemporary politics digital space’s functioning in the context of global technological transformations”.

of a new type. It is concluded that that rapid technological changes have a significant impact on the structural, content, and functional parameters of traditional institutions of power, which are forced to adapt to a new digital environment with a high degree of complexity and diversity to maintain their effective viability. Simultaneously, digital technological transformations cannot be defined as unambiguously constructive or destructive. For traditional political institutions, there are both positive and negative potentials of digitalization, closely intertwined into a complex system of digital effects and socio-political consequences of institutional changes for both the state and society. In the final part of the article, promising areas of further study on digitalization of the socio-political space are highlighted.

Keywords:

digitalization of politics, traditional political institutions, digital transformation, technology corporations.

Введение

Цифровые трансформации, усиленные и ускоренные пандемией COVID-19, сформировали для существующих традиционных политических институтов определенный сценарный выбор – либо они адаптируются к новой социотехнической реальности, капитализму платформ, допустив определенной степени изменения в своей структуре и сущности, либо они рискуют перейти в кризисную фазу, вплоть до постепенной эрозии и исчезновения. В первую очередь с рисками и перспективами цифровых метаморфоз столкнулись такие традиционные политические институты, как государство, парламентаризм и выборы, гражданство. Характер такого проблемного контура определяет актуальность настоящего исследования.

Т. Парсонс (2018) отмечал, что институты – это «...факторы, контролирующие действия человека в обществе, и как следствия их» (с. 301). Следовательно, политические институты контролируют политические действия человека в социуме.

В связи с этим важно выяснить, во-первых, что происходит в условиях цифровизации с таким наиболее архаичным политическим институтом, как государство. Выбор института государства обусловлен его важным фундаментальным характером в политической системе, поскольку, с одной стороны, правительство, электронное правительство, открытое правительство, кабинет министров, государственная служба – его развитые, специализированные, но все же во многом производные элементы; с другой стороны, при всей специфике и разнообразии политических режимов именно государство остается их базовым ядром, сохраняющим признаки иерархичности и фактор применения силы. Государство в классификации Парсонса можно отнести к «интегрирующим» институтам, т. к. оно ориентировано на регуляцию отношений.

Во-вторых, нельзя обойти вниманием такой каузальный механизм цифровой трансформации государства, как корпорации. Следует проследить разнонаправленный характер политической эволюции: согласно нашему предполо-

ложению, если такой институт как государство передает часть своих функций корпорациям (посредническая роль между властью и гражданином, слежка, сбор данных, предоставление услуг, ранее остававшихся в ведении лишь государства, право на управление процессами общественно-политических коммуникаций), то корпоративные игроки могут начать приобретать характерные черты нового политического института, влияющего на политические действия человека в социуме.

В-третьих, интерес к институту парламентаризма и выборов определяется его значимостью для легитимации современных демократических политических режимов. По сути, институт парламентаризма, в основе своей содержащий принцип выборов (поэтому была и использована подобная формулировка), служит дополнительным легитимирующим компонентом в тех политических режимах, где власть такого архаичного института, как государство рано прошла десакрализацию, уже недостаточна для сохранения единства и стабильности в обществе, преодоления разногласий и политических противоречий. Органичной частью современной системы парламентаризма и выборов являются партии, благодаря которым запросы на политическую конкуренцию и политическую стабильность уравниваются. Цифровые изменения, касающиеся выборов, парламента, партий, затрагивают проблематику возможностей и рисков цифровой демократии. По параметру целевой ориентации парламентаризм, выборы с партиями можно отнести к «инструментальному» типу института, согласно модели Парсонса.

В-четвертых, нам представляется, что институт гражданства – это стратегически значимая часть современной демократической политической системы. Развитый институт гражданства – это регулярная активность граждан, спровоцированная в ответ на проблемы, не решаемые остальными политическими институтами. Симулякры гражданской активности возникают из-за недоверия представителей власти к собственному населению и приводят к консервации социально-политических проблем, выводу их из политической повестки, но не к разрешению. Реальный институт гражданства означает существование традиции эмпауэрмента – способности, готовности граждан к политическим действиям, преодолению социальной ущемленности (Патрушев, Филиппова, 2020, с. 209–211). Гражданство как институт в настоящее время тесно переплетается со скрепляющей государство макрополитической идентичностью, политической культурой. Если продолжать пользоваться схемой Парсонса, то гражданство во многом – «ситуационный» институт, связанный с определением тех или иных ему присущих политических ролей. Политическая роль, значимость этого института зависит от социально-исторических условий, тех социальных сил, которые придают ему основополагающую функцию (или ее отнимают) в выборах, ротации государственных кадров, внутренней и внешней политике. На практике данный институт виден в появлении гражданских движений, цифровых проектов, готовых политизировать ранее неполитизированные темы. Согласно нашей гипотезе, институт гражданства способен играть прогрессивную роль в развитии социальных отношений только при условиях параллельного массового просвещения граждан в политической и технически-цифровой сфере.

К. Крауч одним из первых заговорил о кризисе института гражданства, а также о превращении корпораций в важный институт, оказывающий существенное воздействие на сложившиеся политические системы. Также он

обращал внимание на движение прежней партийной модели в сторону постдемократической партийной модели, передачу государством ряда своих функций корпорациям (Крауч, 2010, с. 31, 46–47, 60). Позже отмеченные тренды стали активно обсуждаться в академическом дискурсе, в том числе в работах, посвященных проблематике цифровизации политики. Мы воспользуемся выделенными Краучем признаками наступившей постдемократии для более детального анализа существующей научной дискуссии по этому проблемному полю. Через эту призму мы рассмотрим, какое воздействие цифровая трансформация оказывает на такие традиционные политические институты, как государство, парламентаризм и выборы, гражданство. Нельзя проигнорировать и претензии цифровых корпораций на обретение статуса нового политического института, от которого начинает зависеть общественно-политическая коммуникация между гражданами и государством.

Важно уточнить, что традиционные политические институты – это во многом условная рабочая категория. Мы осознаем, что политические институты не существуют в «чистом виде», не являются неким застывшим явлением в пространственно-временном континууме и медленно, но все же изменяются. Более того, для каждой эпохи существуют свои традиционные политические институты. Так, когда-то парламентский институт был довольно новым феноменом относительно более архаичного государственного института монархической власти. И все же в своих предположениях мы отталкиваемся от того тезиса, что цифровые трансформации можно считать тем триггером, который провоцирует изменение традиционных для доцифровой эпохи и зарождение новых политических институтов.

В связи с этим современному политологическому сообществу важно определить, влияют ли цифровые платформы и технологии на функционирование традиционных политических институтов. Исходя из данного исследовательского вопроса, целью настоящей работы стал анализ рисков и перспектив цифровой трансформации для традиционных политических институтов.

Современное государство и цифровые трансформации

Для начала следует обратить внимание на работы, рассматривающие перспективы и риски цифровой трансформации такого политического института, как государство. Причины и последствия цифровизации государства хорошо объясняет все та же модель постдемократии Крауча. Он отмечает, что процесс передачи государством части своего функционала частно-корпоративным подрядчикам имеет серьезную специфику. Государство как институт сохраняет свое политическое ядро в виде центральных органов власти, лишая политической роли местные органы власти, структуры среднего и нижнего уровней, которые все больше попадают в зависимость от рыночной конъюнктуры и выстраивают собственную работу по принципу «покупатель – продавец» (Крауч, 2010, с. 127). Р. Коллингтон отмечает, что государство теряет традиционную с момента своего появления монополию на сбор и обработку информации. Эта функция государством передается цифровым корпорациям, что имеет далеко идущие политические последствия. Корпорации проникают в критически важные для граждан сферы, получая доступ к статистике, геопространственным, метеорологическим

данным, данным социальных, пенсионных и налоговых систем, данным, генерируемым через государственные транспортные коммуникации (Collington, 2021). Фактически в ходе реализованных проектов цифровизации и стратегий экономического роста пересматривалась концепция государства всеобщего благосостояния. Само государство переложило часть своей ответственности за социальную сферу на частный сектор.

Конечно, кроме рисков можно выделить и перспективы цифровизации для государства. В первую очередь об этом говорят исследования, затрагивающие прогрессивные для общества аспекты электронного правительства и электронного правления. Авторы связывают такую стратегию власти со стремлением сформировать эффективное правительство, преодолеть традиционную иерархическую модель его функционирования, отойдя в сторону модели *seamless government* – бесшовного варианта оказания государственных услуг населению со стороны множества министерств. В такой модели государство подключает корпоративные платформы-посредники, сохраняя за собой определение четких правил игры (Сморгунов, 2019). Тем самым представители органов государственной власти нацелены на создание разнообразных контуров обратной связи с гражданами. Такие процедуры, безусловно, для власти оправданы, т. к. могут купировать многие риски делегитимации политического режима в условиях развития цифровых коммуникаций.

Но проблема заключается в том, что цифровые перспективы для государства на деле оборачиваются рисками для других традиционных политических институтов, особенно института гражданства (не в юридическом, а именно в политическом смысле, когда гражданин соотносится с политически грамотным индивидом, способным реализовывать свои права и принимать активное участие в политике). К примеру, такая система как *IBM i2 Analyst's Notebook* предоставила французскому государству возможность доступа к огромному массиву общедоступных данных, их анализу и визуализации. Полиция начала использовать эту систему для изучения активности преступных сетей, экономя ресурсы и время. Отдельные исследователи (Kubler, 2017) предупреждают, что в идеале визуализация данных в таких системах, конечно, помогает интерпретации полученной властями информации, но в ряде ситуаций готовая визуализация, предлагаемая для представителя государственной власти «умными алгоритмами», может стать ответом, готовым решением в отношении конкретных граждан или целых категорий людей (к примеру, в системах наподобие *PredPol* алгоритмы уже берут на себя роль аналитика после обработки информации). Фактически, это приводит к формированию описанного Краучем политического ядра, которое контролируется государством в условиях передачи части своих функций и концентрируется в сегменте армии, полиции, спецслужб безопасности. Это ядро государства можно соотнести с сохраняемой традицией чрезвычайного положения, глубоко исследованной в работах Дж. Агамбена (2011), что заставляет пересмотреть концепцию постгегемонистской власти С. Лэша, согласно которой современная власть уходит от видимой традиционной гегемонии к незаметной в коммуникации постгегемонии (Lash, 2007). Алгоритм, будучи элементом опосредованной коммуникации, может быть элементом незаметной постгегемонистской власти, однако он сочетается со скрывающейся за ним гегемонией конкретного политического субъекта – государства.

В то же самое время в ряде научных работ обосновывается, что технологические трансформации не всегда имеют прямое влияние на современную политику. Особенности политических институтов и политических традиций в разных странах способствуют тому, что темпы цифровизации в них могут значительно отличаться. Так, децентрализованный характер административной системы Германии является весомым фактором специфики цифровизации ее политической жизни. Порядка 76 % услуг находятся в ведении муниципалитетов и федеральных земель (от регистрации автомобиля до выдачи вида на жительство), однако онлайн-коммуникация между гражданами и местными органами власти менее развита, цифровая трансформация на деле достигла успехов пока лишь в функционале электронного правительства (Kuhlmann & Heuberger, 2021). Поэтому возрастает значение новых экспертных центров, «политических лабораторий», создаваемых самим государством с целью внедрения эффективных проектов цифровизации (Fleischer & Carstens, 2021). Вполне возможно, что это естественная реакция государств на угрозу монополизма со стороны цифровых корпораций.

Озабочено государство и сохранением своего суверенитета. Глобальные технологические трансформации поставили государственную власть перед фактом трансграничного влияния цифровых корпораций, которые уже не просто занимаются сбором и анализом данных граждан в своих интересах, но и пытаются монополизировать за собой само предоставление права на коммуникацию. А это уже прямая угроза информационной безопасности как граждан, так и государства. Логичным следствием этого стало то, что появились работы, напрямую затрагивающие аспекты технологического или цифрового суверенитета государства, независимости страны от цифровых корпораций-монополистов и информационной гегемонии США (Шестопад, Мамычев, 2020), труды, описывающие возрождение значения суверенитета как принципа цифровой политики и параллельно подчеркивающие проблематику самоопределения, автономности граждан (Pohle & Thiel, 2020).

Цифровизация накладывает свой отпечаток и на то, как современные государства начинают корректировать взаимоотношения между собой. Эти трансформации хорошо интерпретируют исследования в области цифровой дипломатии. Как правило, цифровая дипломатия является формой традиционной дипломатии, практикующей информационно-коммуникационные технологии, использующей возможности социальных сетей для укрепления дипломатических отношений. Н. А. Цветкова в своей статье выделяет такие инструменты цифровой дипломатии, как хэштеги, анализ больших данных, использование ботов, а также сочетание стратегий *soft power* (мягкой силы) и *sharp power* (острой силы) (Цветкова, 2020). Но другие авторы подчеркивают и негативные, чреватые дипломатическими скандалами эффекты от использования того же *Twitter* как массового сетевого ресурса (Карпович, Троянский, 2020).

Технологические корпорации как субъекты цифровой политики

От изменений, связанных с государством, логично перейти к анализу корпоративного фактора. Если государство частично отступает от своих функций, то что-то должно занять освободившуюся нишу. Современные технологические

корпорации все в большей мере претендуют на политическую субъектность. Как отмечает К. Крауч (2010), в настоящее время корпорации являются не просто организациями, а сосредоточением власти, обусловленным концентрацией капитала и привилегированным доступом представителей бизнеса к государственным служащим и политикам (с. 61–65). Глобальные технологические трансформации начинают влиять на политику и благодаря такому корпоративному феномену, как капитализм платформ, основанному на деятельности цифровых платформ, принадлежащих технологическим корпорациям (Срничек, 2020).

Имеет смысл говорить не только о рисках, но и о важных позитивных потенциалах цифровых корпораций для трансформации традиционных политических институтов. С одной стороны, с помощью цифровых платформ у граждан появляется определенная альтернатива государству в плане коммуникации, сферы услуг, создания проектов. Удобная и грамотно созданная цифровая платформа может стать инструментом для повышения финансовой прозрачности государства перед гражданами, средой для выявления властью нерешенных проблем социально-политического характера.

В тесном переплетении интересов государства, корпораций и граждан развиваются системы *smart city* и появляется феномен «умного гражданства» (Fedorchenko & Karlyavina, 2021). С другой стороны, благодаря цифровым платформам государство может снизить свою загруженность, сконцентрироваться на задачах безопасности и сформировать разнообразные контуры обратной связи между обществом и властью. Хотя с характером взаимоотношения государства, корпораций и граждан не так все однозначно: есть акторы, заинтересованные в дальнейшей глобализации, есть и факторы, позволяющие говорить о политической локализации (или даже о гло (локал) анклавизации) существующего цифрового пространства политики (Цукерман, 2015; Артамонова, Володенков, 2021).

Помимо этого существует риск, что государство, передавая часть своих функций цифровым корпорациям, приводит к утрате компетенции своих же служащих в этой сфере (Крауч, 2010, с. 126). В любом случае от сочетаний взаимодействия государства, цифровых корпораций и гражданства будет зависеть не только специфика турбулентности сложившихся политических процессов, но и процесс зарождения политических режимов нового типа, сочетающих элементы традиционной государственной власти и корпоративно-цифровой власти.

Как демонстрирует актуальная практика, именно цифровые платформы инициируют процесс платформизации – проникновение цифровых инфраструктур в социально-политическую сферу жизнедеятельности общества, а также формируют условия для реализации модели капитализма платформ и связанных с ним сетевых эффектов (Срничек, 2020, с. 41–46).

Однако на сегодняшний день существует и противоположный платформизации вектор деятельности технологических корпораций – деплатформинг и деплатформизация (Van Dijck et al., 2021). Деплатформинг в политическом аспекте связан с ограничением (и даже блокировкой) со стороны владельцев цифровых платформ учетных записей и аккаунтов пользователей по политическим причинам. В качестве примеров деплатформинга можно привести блокировку аккаунта телеканала *Russia Today* видеохостингом *YouTube*, блокировку аккаунта

Федерального агентства новостей социальной сетью *Facebook*¹, а также блокирование аккаунтов президента США Д. Трампа в январе 2021 г.

В свою очередь деплатформизация связана с более масштабной деятельностью цифровых корпораций-монополистов (*Google, Amazon, Apple, Facebook*², *Microsoft* и др.) по вытеснению цифровых корпораций-конкурентов с альтернативной политической идеологией на периферию глобальной цифровой экосистемы. В качестве примера деплатформизации может выступать практически одновременный запрет сторонникам Д. Трампа – пользователям платформы *Parler* доступа к приложениям *Apple* и *Google* с синхронным прекращением со стороны *Amazon* хостинга социальной сети *Parler* и отключением ее от облачной платформы *Amazon Web Services*, что, по сути, привело к фактическому уничтожению *Parler* в цифровом пространстве (Van Dijck et al., 2021).

Признаком того, что цифровые корпорации начинают обретать политическую субъектность и тем самым формировать новую социотехническую реальность, служит то, что они становятся прямыми конкурентами государства в процессах формирования идентичностей разного рода. Не случайно Дж. Чейни-Липпольд обращает внимание исследователей на то, что формы цифрового мониторинга, онлайн-маркетинга, алгоритмического поиска приводят к распространению мягкой биовласти и мягкой биополитики (в терминологии М. Фуко) и вводит в практику так называемую «новую алгоритмическую идентичность» (Cheney-Lippold, 2011).

Такая «плавающая», постоянно адаптирующаяся к внешней цифровой среде идентичность в виде цифровых аватаров (аккаунтов) создается не самими гражданами, а от их имени посредством корпоративных действий, полностью завися от алгоритмов. Алгоритмы при конструировании такой идентичности пользуются типичными категориями биовласти – гендера, расы, социальных групп и т. п. По нашему мнению, такая алгоритмическая идентичность особо актуализирует исследования биополитики Дж. Агамбена в рамках феномена *homo sacer*.

Парламентаризм и выборы в условиях цифровых трансформаций

Другим объектом цифровой трансформации становится традиционный демократический институт парламентаризма и выборов, включающий не только парламент, парламентские фракции партий, но и связанный с избирательными системами, оппозиционными партиями. Сразу следует уточнить, что внедрение систем электронного голосования создало условия для активного использования технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в обработке «больших политических данных». Известно, что риски делегитимации современных политических режимов часто связаны с падением доверия к действующим выборным процедурам и с обвинениями властей со стороны оппозиции в прямых фальсификациях.

Следствием этого стало применение избирательными комиссиями разных стран технологий сверточных нейронных сетей для быстрой и эффективной

¹ Соцсеть, признанная в России экстремистской.

² Соцсеть, признанная в России экстремистской.

обработки подписных листов, кодирования и визуализации анализа итогов выборов. Такие сети работают в три этапа: преобразуют изображения в понятный программе формат, разделяют их на элементы и, наконец, классифицируют и анализируют эти элементы (Torres & Cantu, 2022). Нейронные сети имеют огромные перспективы и в мониторинге избирательного процесса, выявлении фактов политического насилия (Muchlinski et al., 2021).

В принципе, тот факт, что избиратели могут больше доверять искусственным интеллектуальным системам, чем государству и сотрудникам избирательных комиссий, можно попробовать объяснить сохранением во многих культурах довольно архаичной традиции «пустого центра», что хорошо подметил Дж. Агамбен в своем большом исследовательском проекте *homo sacer* (Агамбен, 2019).

Между тем с интеллектуальными агентами не так все однозначно. Б. Шипперс, к примеру, предупреждает о рисках подмены личностей политиков через приемы *deepfakes*, о последствиях внедрения технологий распознавания лиц, которые способны удерживать людей от участия в публичных политических мероприятиях (Schippers, 2020). Авторы отмечают и факты сопротивления технологиям искусственного интеллекта со стороны разных категорий работников – от пассивного игнорирования до активного блокирования сбора данных системой (Jouce et al., 2021).

Наметилось довольно интересное направление изучения цифровизации политических партий. Так, Е. В. Бродовская (2020) рассматривает аспекты индекса цифрового менеджмента российских партий, складывающегося из развитости цифровой инфраструктуры, персоноцентричности, интегрированности информационного потока, соответствия целевой аудитории и других параметров. Эти тренды можно связать с тем, что описано К. Краучем как передача партиями части своих функций на субподряд корпоративным акторам.

В результате у партий (как и у государства, что описывалось выше), остается центральное политическое ядро в виде лидеров и функционеров, растягивающееся в виде эллипса к своим корпоративным партнерам (Крауч, 2010, с. 96) с целью получения услуг в сфере технологий *Big Data* аналитики, микроцелевой сетевой пропаганды и т. п. В научной среде изучается и феномен «цифровой партии», когда многоуровневая бюрократическая структура индустриального времени заменяется на специальную платформу, обеспечивающую новые возможности в области партийного строительства, финансирования и мобилизации (Gerbaudo, 2018).

Цифровизация политических партий тесно переплетается с глубокой трансформацией поля публичной политики. Здесь важно учитывать, что, по мнению некоторых авторов (Васильев, Игнатовский, 2021), в политической науке сложилось два подхода в изучении цифровизации. Первый в основном рассматривает «цифровизацию сверху», отдавая предпочтение изучению властных инициатив и электронного правительства. Второй учитывает горизонтальный характер цифровых трансформаций политического пространства, допуская роль в этом иных акторов политики.

На наш взгляд, в настоящее время резонно сочетать оба обозначенных подхода, т. к. цифровую инфраструктуру политики определяют довольно разные акторы: цифровые корпорации, государства, политически влиятельные блогеры, сетевые политические движения и цифровые партии, политические хакеры и т. д.

Все эти акторы пытаются повысить свою узнаваемость в сетевом мире, усилить авторитет и влияние посредством воздействия на slacktivистов и кликтивистов³. Так, согласно недавней реконцептуализации теории политического участия Л. Милбрата, кликтивизм начинает играть значимую роль в политическом процессе (George & Leidner, 2019). Ранее подобные группы пользователей серьезно не изучались, однако сегодня ученые все в большей степени обращают на них свое внимание как на важный компонент политической коммуникации.

Цифровая трансформация института гражданства

Традиционный институт гражданства, предполагающий ответственного и политически активного гражданина, также серьезно изменяется под влиянием платформенного капитализма цифровых корпораций. К. Крауч объясняет эволюцию гражданства процессом коммерциализации этого политического института. С одной стороны, партнерство государственного и частного сегментов в предоставлении услуг гражданам способствует тому, что корпорации выбирают ту долю услуг, которую им выгодно обслуживать, тогда как государству остается остальное (Крауч, 2010, с. 102–114).

С другой стороны, модель гражданина-потребителя постепенно сменяет собой модель политически активного и ответственного гражданина. Имеются и другие объяснения кризиса традиционного гражданства. Не так давно появились работы, изучающие феномен институционального «гардеринга» – совокупности технологий, нацеленных властными элитами на уменьшение критичной политизированной публики за счет увеличения числа некритичной публики в интернет-среде (Litvinenko & Toerfl, 2019). Дж. Чейни-Липполд даже предложил термин *jus algoritmi*, обозначающий форму нового типа гражданина, имеющего цифровые идентификаторы и регулярно отслеживающегося правительственными службами (Cheney-Lippold, 2016).

В академическом дискурсе до сих пор нет однозначности касательно того, чего больше принесет цифровизация для гражданина – потенциалов или рисков: либо корпоративная власть платформ установит режим слежки и регу-

³ Slackтивисты и кликтивисты – это группы интернет-пользователей, не являющиеся инициаторами и организаторами современных политических акций, однако играющие при минимуме личных усилий серьезную роль в распространении политизированного контента (текстов, фото, видео) и формировании общественных представлений о социально-политической повестке дня благодаря репостам, лайкам, комментариям и т.п. Термины «slackтивизм» (*slacker* – бездельник) и «кликтивизм» (*click* – щелчок компьютерной мышью) в основном имеют схожее определение в академических исследованиях, но кликтивизм в большинстве случаев рассматривается как разновидность slackтивизма в пространстве социальных медиа, характеризующегося массовым использованием «кликов» для подписания различных петиций и призывов к различного рода общественно-политическим действиям, включая протестные. При этом оценка успешности и масштабности того или иного общественно-политического призыва осуществляется с помощью подсчета числа «кликов», а сам «кликтивист» считает себя гражданским активистом, несмотря на отсутствие существенных действий и усилий с его стороны для решения конкретной общественно-политической проблемы.

лярного нарушения конфиденциальности персональных данных, либо интернет-коммуникации станут способствовать политической свободе, коллективному участию, развитию идеологии киберлибертарианства (Polizzi, 2021).

Наблюдается дискуссия и в отношении так называемого «умного гражданина» – процесса зарождения нового типа гражданина, просвещенного и активного как в политическом, так и в информационно-техническом понимании: с одной стороны, безусловно, такие тренды могут свидетельствовать о появлении «цифровой демократии», применении властью принципов *happiness policy*, однако, с другой стороны, есть и признаки «цифрового тоталитаризма» – корпоративной и государственной слежки за гражданами посредством «умных алгоритмов», цифрового разрыва (*second-level digital divide*) между активными, просвещенными гражданами, имеющими качественный доступ к цифровым ресурсам, и пассивными гражданами, не обладающими таким доступом (Fedorchenko & Karlyavina, 2021).

Вероятно, по этой причине авторы выделяют два основных сценария развития цифрового гражданства (Zandbergen & Uitermark, 2020): *cybernetic citizenship* (децентрализованные принципы работы с данными, самостоятельный сбор гражданином данных, упор на идеологию либерализма, гражданские инсайты, а не на общий дискурс) и *republican smart citizenship* (ставка на научно аргументированные данные, обеспечивающие возможность гражданину участвовать в политической борьбе).

И все же, согласно исследованиям Э. Цукермана, эффект гемофильности может ограничивать гражданскую цифровую коммуникацию социальными, гендерными, расовыми и другими рамками. По его мнению, потенциальным решением этой проблемы могут стать новые взаимоотношения «ксенофилов» (граждан, открытых для разнообразной коммуникации) с «наводящими мосты» (блогерами, активными гражданами) и «кураторами» (авторитетными редакторами информационных ресурсов и даже полуавтоматизированными системами наподобие *Longreads* или *StumbleUpon*), нацеленные на создание эффекта «серендипности» – интуитивной прозорливости в городской среде, понимания того, что обнаруживающий новые политические возможности цифровой структуры и осуществляющий новые связи гражданин обретает новую силу (Цукерман, 2015, с. 86, 222–247, 298–300).

Примечательно, что Г. Ловинк также выступает за переконфигурацию гражданских связей в цифровом пространстве. Хотя в отличие от Цукермана он видит решение в создании нового типа «сильных связей» (оргнетов), приспособленных для коллективной работы и не подчиненных простому обсуждению новостей. И в этих оргнетах важнейшим вопросом становится проблема алгоритмической архитектуры (Ловинк, 2019, с. 268–279). Помимо Ловинка, многие другие исследователи, начиная с работы об алгократии А. Аниша (Aneesh, 2006), также отмечают повышение социальной-политической роли алгоритмов в процессах цифровизации политики (Назаров, 2020; Beer, 2017; Borgesius, 2020; Cheney-Lippold, 2011; Kubler, 2017).

Таким образом, мы можем отметить серьезный потенциал «давления» на параметры и содержательные характеристики традиционного института гражданства в условиях современных цифровых трансформаций сразу по нескольким направлениям. При этом конечный дизайн трансформированных гражданских

связей является, по нашему мнению, многовариантным, и в значительной степени будет зависеть от тех сценариев цифровизации социально-политической сферы жизнедеятельности общества, которые будут реализованы государствами на национальном уровне.

Заключение

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что современные цифровые трансформации самым непосредственным образом влияют на структурные, содержательные и функциональные параметры жизнедеятельности ключевых традиционных политических институтов, которые для выживания и обеспечения собственного эффективного функционирования вынуждены адаптироваться к интенсивно изменяющейся глобальной технологической среде.

Очевидно, что цифровые технологические трансформации нельзя определить как однозначно конструктивные или деструктивные. Для традиционных политических институтов, по нашему мнению, существуют как позитивный, так и негативный потенциалы цифровизации, тесно переплетенные между собой в сложную систему цифровых эффектов и общественно-политических последствий институциональных изменений как для самого государства, так и для общества.

В настоящей работе мы выделили лишь некоторые из традиционных политических институтов, сосредоточив свое внимание в первую очередь на вызовах, стоящих перед ними в условиях адаптации к усложняющейся реальности, характеризующейся масштабным внедрением цифровых технологий в ключевые сферы общественно-политической жизни.

Безусловно, внимательного анализа требуют цифровые трансформации и иных традиционных политических институтов, не рассмотренных в данной статье. Более того, важным представляется изучение и таких аспектов цифровизации, как внедрение в общественно-политическую практику интеллектуальных цифровых актантов, основанных на технологиях искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей, формирование социотехнической реальности и политического диджитал-пространства, переход массовых цифровых коммуникаций в пространство метавселенных, работа над конструированием которых сегодня активно проводится крупными технологическими кампаниями.

Кроме того, качественных прорывов в политологических исследованиях, способных предложить качественные модели трансформации традиционной демократии, политического управления и гражданской коммуникации с властью, можно достигнуть в изучении алгоритмической природы современных политических субъектов. Не менее важным является научный анализ особенностей политической субъектности в условиях стремительного совершенствования «умных» цифровых технологий. Особенности выявленного академического дискурса относительно каузальных механизмов цифрового пространства политических институтов потребовал от авторов также обратиться к отдельному исследованию этого проблемного поля.

Наконец, актуальным исследовательским направлением представляется изучение содержательных особенностей функционирования политических акторов нового типа, к которым мы относим технологические корпорации, раз-

нообразии и сложность которых во многом сравнимы с разнообразием и сложностью традиционных государств как политических институтов.

Именно данные направления исследования представляются нам перспективными для дальнейшей работы в рамках изучения процессов цифровизации современного общественно-политического пространства.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011). *Ното sacer. Чрезвычайное положение*. М.: Европа.
2. Агамбен, Дж. (2019). *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. СПб.: Институт Гайдара.
3. Артамонова, Ю. Д., Володенков, С. В. (2021). Трансформация Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло (локал) анклавизации. *Социологические исследования*, (1), 87–97. <https://dx.doi.org/10.31857/S013216250013572-2>
4. Бродовская, Е. В. (2020). Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа. *Власть*, 28(6), 81–88. <https://dx.doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727>
5. Васильев, М. С., Игнатовский, Я. Р. (2021). Цифровизация современной публичной политики: специфика и социальные риски. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (1), 15–26. <https://dx.doi.org/10.24412/2071-6141-2021-1-15-26>
6. Карпович, О. Г., Троянский, Г. М. (2020). Особенности использования цифровой дипломатии иностранными внешнеполитическими ведомствами и международными организациями. *Дипломатическая служба*, (4), 96–105. <https://dx.doi.org/10.33920/vne-01-2004-11>
7. Крауч, К. (2010). *Постдемократия*. М.: Издательский дом ВШЭ.
8. Ловинк, Г. (2019). *Критическая теория интернета*. М.: Ad Marginem; Музей современного искусства «Гараж».
9. Назаров, М. М. (2020). Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия. *Коммуникология*, 8(2), 108–124. <https://dx.doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124>
10. Парсонс, Т. (2018). *О структуре социального действия*. М.: Академический проект.
11. Патрушев, С. В., Филиппова, Л. Е. (Ред.). (2020). *Структуры господства, граждане и институты*. М.: РОССПЭН.
12. Сморгун, В. Л. (2019). Партисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество. *Власть*, 27(5), 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
13. Срничек, Н. (2020). *Капитализм платформ*. М.: Издательский дом ВШЭ.
14. Цветкова, Н. А. (2020). Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, (2), 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>

15. Цукерман, Э. (2015). *Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху*. М.: Ad Marginem.
16. Шестопал, С.С., Мамычев, А.Ю. (2020). Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды. *Балтийский гуманитарный журнал*, 9(1), 398–403. <https://dx.doi.org/10.26140/bgз3-2020-0901-0098>
17. Aneesh, A. (2006). *Virtual migration: The programming of globalization*. London: Duke University Press.
18. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 1–13. <https://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
19. Borgesius, F. J. Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://dx.doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
20. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture and Society*, 28(6), 164–181.
21. Cheney-Lippold, J. (2016). Jus algoritmi: How the national security agency remade citizenship. *International Journal of Communication*, (10), 1721–1742.
22. Collington, R. (2021). Disrupting the welfare state? Digitalisation and the retrenchment of public sector capacity. *New Political Economy*, 27(2), 312–328. <https://doi.org/10.1080/13563467.2021.1952559>
23. Fedorchenko, S., & Karlyavina, E. (2021). Smart city: The arrival of a new democracy or digital totalitarianism? *Журнал политических исследований*, 5(1), 3–22. <https://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22>
24. Fleischer, J., & Carstens, N. (2021). Policy labs as arenas for boundary spanning: inside the digital transformation in Germany. *Public Management Review*. <https://doi.org/10.1080/14719037.2021.1893803>
25. George, J. J., & Leidner, D. E. (2019). From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*, 29(3). <https://dx.doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
26. Gerbaudo, P. (2018). *The digital party: Political organisation and online democracy (digital barricades)*. London: Pluto Press.
27. Joyce, K., Smith-Doerr, L., Alegria, S., & et al. (2021). Toward a sociology of artificial intelligence: A call for research on inequalities and structural change. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 7, 1–11. <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>
28. Kubler, K. (2017). State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717736338>
29. Kuhlmann, S., & Heuberger, M. (2021). Digital transformation going local: Implementation, impacts and constraints from a German perspective. *Public Money & Management*. <https://doi.org/10.1080/09540962.2021.1939584>
30. Lash, S. (2007). Power after hegemony: Cultural studies in mutation? *Theory, Culture and Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
31. Litvinenko, A., & Toepfl, F. (2019). The “Gardening” of an authoritarian public at large: How Russia's ruling elites transformed the country's media landscape after the 2011/12 protests “For fair elections”. *Publizistik*, 64(2), 225–240. <https://dx.doi.org/10.1007/s11616-019-00486-2>

32. Muchlinski, D., Yang, X., Birch, S., Macdonald, C., & Ounis, I. (2021). We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media. *Political Science Research and Methods*, 9(1), 122–139. <https://dx.doi.org/10.1017/psrm.2020.32>
33. Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>
34. Polizzi, G. (2021). 'Internet users' utopian/dystopian imaginaries of society in the digital age: Theorizing critical digital literacy and civic engagement. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211018609>
35. Schippers, B. (2020). Artificial intelligence and democratic politics. *Political Insight*, 11(1), 32–35. <https://dx.doi.org/10.1177/2041905820911746>
36. Torres, M., & Cantu, F. (2022). Learning to see: Convolutional neural networks for the analysis of social science data. *Political Analysis*, 30(1), 113–131. <https://doi.org/10.1017/pan.2021.9>
37. Van Dijck, J., de Winkel, T., & Schäfer, M.T. (2021). Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211045662>
38. Zandbergen, D., & Uitermark, J. (2020). In search of the smart citizen: Republican and cybernetic citizenship in the smart city. *Urban Studies*, 57(8), 1733–1748. <https://dx.doi.org/10.1177/0042098019847410>

References

1. Agamben, G. (2011). *Homo sacer. Chrezvychnoye polozhenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow: Evropa.
2. Agamben, G. (2019). *Tsarstvo i Slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [The Kingdom and the Glory: For a theological genealogy of economy and government]. Saint Petersburg: Institut Gajdara.
3. Aneesh, A. (2006). *Virtual migration: The programming of globalization*. London: Duke University Press.
4. Artamonova, Yu.D., & Volodencov, S. V. (2021). Transformatsiya Interneta kak prostranstva obshchestvenno-politicheskikh kommunikatsiy: ot globalizatsii k glo (lokal) anklavizatsii [Transformation of the internet as a space of public and political communications: From globalization to glocalization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 87–97. <https://dx.doi.org/10.31857/S013216250013572-2>
5. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, communication & society*, 20(1), 1–13. <https://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
6. Borgesius, F.J.Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://dx.doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
7. Brodovskaya, E. V. (2020). Tsifrovoy menedzhment v deyatel'nosti rossiyskikh politicheskikh partiy: problemnoe pole upravleniya informatsionnymi potokami v sotsial'nykh media [Digital management in the activities of Russian political parties: The problem field of information flow management in social media]. *Vlast'*, 28(6), 81–88. <https://dx.doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7727>

8. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture and Society*, 28(6), 164–181.
9. Cheney-Lippold, J. (2016). Jus algoritmi: How the national security agency remade citizenship. *International Journal of Communication*, (10), 1721–1742.
10. Collington, R. (2021). Disrupting the welfare state? Digitalisation and the retrenchment of public sector capacity. *New Political Economy*, 27(2), 312–328. <https://doi.org/10.1080/13563467.2021.1952559>
11. Crouch, C. (2010). *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE.
12. Fedorchenko, S., & Karlyavina, E. (2021). Smart city: The arrival of a new democracy or digital totalitarianism? *Журнал политических исследований*, 5(1), 3–22. <https://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-3-22>
13. Fleischer, J., & Carstens, N. (2021). Policy labs as arenas for boundary spanning: inside the digital transformation in Germany. *Public Management Review*. <https://doi.org/10.1080/14719037.2021.1893803>
14. George, J.J., & Leidner, D.E. (2019). From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism. *Information and Organization*, 29(3). <https://dx.doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>
15. Gerbaudo, P. (2018). *The digital party: Political organisation and online democracy (digital barricades)*. London: Pluto Press.
16. Joyce, K., Smith-Doerr, L., Alegria, S., & et al. (2021). Toward a sociology of artificial intelligence: A call for research on inequalities and structural change. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 7, 1–11. <https://doi.org/10.1177/2378023121999581>
17. Karpovich, O.G., & Troyanskiy, G.M. (2020). Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovoy diplomatii inostrannymi vneshnepoliticheskimi vedomstvami i mezhdunarodnymi organizatsiyami [Features of the use of digital diplomacy by foreign ministries and international organizations]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, (4), 96–105. <https://dx.doi.org/10.33920/vne-01-2004-11>
18. Kubler, K. (2017). State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717736338>
19. Kuhlmann, S., & Heuberger, M. (2021). Digital transformation going local: Implementation, impacts and constraints from a German perspective. *Public Money & Management*. <https://doi.org/10.1080/09540962.2021.1939584>
20. Lash, S. (2007). Power after hegemony: Cultural studies in mutation? *Theory, Culture and Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
21. Litvinenko, A., & Toepfl, F. (2019). The “Gardening” of an authoritarian public at large: How Russia's ruling elites transformed the country's media landscape after the 2011/12 protests “For fair elections”. *Publizistik*, 64(2), 225–240. <https://dx.doi.org/10.1007/s11616-019-00486-2>
22. Lovink, G. (2019). *Kriticheskaya teoriya interneta* [Critical theory of the Internet]. Moscow: Ad Marginem; Muzej sovremennogo iskusstva “Garazh”.
23. Muchlinski, D., Yang, X., Birch, S., Macdonald, C., & Ounis, I. (2021). We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media. *Political Science Research and Methods*, 9(1), 122–139. <https://dx.doi.org/10.1017/psrm.2020.32>

24. Nazarov, M. M. (2020). Platformy i algoritimizatsiya v media: sodержanie i sotsial'nye sledstviya [Platforms and algorithmization in media: Content and social consequences]. *Kommunikologiya*, 8(2), 108–124. <https://dx.doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124>
25. Parsons, T. (2018). *O strukture sotsial'nogo deystviya* [The structure of social action]. Moscow: Akademicheskij proekt.
26. Patrushev, S. V., & Filippova, L. E. (Eds.). (2020). *Struktury gospodstva, grazhdane i instituty* [Dominance structures, citizens and institutions]. Moscow: ROSSPEN.
27. Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>
28. Polizzi, G. (2021). 'Internet users' utopian/dystopian imaginaries of society in the digital age: Theorizing critical digital literacy and civic engagement. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211018609>
29. Schippers, B. (2020). Artificial intelligence and democratic politics. *Political Insight*, 11(1), 32–35. <https://dx.doi.org/10.1177/2041905820911746>
30. Shestopal, S. S., & Mamychev, A. Yu. (2020). Suverenitet v global'nom tsifrovom izmerenii: sovremennye trendy [Sovereignty in the global digital space: current trends]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 9(1), 398–403. <https://dx.doi.org/10.26140/bgz3-2020-0901-0098>
31. Smorgunov, V. L. (2019). Partisipatornaya gosudarstvennaya upravlyaemost': platformy i sotrudnichestvo [Participatory state governance: Platforms and cooperation]. *Vlast'*, 27(5), 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712>
32. Srnichek, N. (2020). *Kapitalizm platform* [Platform capitalism]. Moscow: Izdatel'skiy dom VShE.
33. Torres, M., & Cantu, F. (2022). Learning to see: Convolutional neural networks for the analysis of social science data. *Political Analysis*, 30(1), 113–131. <https://doi.org/10.1017/pan.2021.9>
34. Tsukerman, E. (2015). *Novye soedineniya. Tsifrovye kosmopolity v kommunikativnuyu epokhu* [New connections. Digital cosmopolitans in the communicative age]. Moscow: Ad Marginem Press.
35. Tsvetkova, N. A. (2020). Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, (2), 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>
36. Van Dijck, J., de Winkel, T., & Schäfer, M. T. (2021). Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211045662>
37. Vasil'ev, M. S., Ignatovskiy, Ya. R. (2021). Tsifrovizatsiya sovremennoy publichnoy politiki: spetsifika i sotsial'nye riski [Digitalization of modern public policy: Specificity and social risks]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (1), 15–26. <https://dx.doi.org/10.24412/2071-6141-2021-1-15-26>
38. Zandbergen, D., & Uitermark, J. (2020). In search of the smart citizen: Republican and cybernetic citizenship in the smart city. *Urban Studies*, 57(8), 1733–1748. <https://dx.doi.org/10.1177/0042098019847410>

Информация об авторах

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко, кандидат политических наук, профессор кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Information about the authors

Sergey Vladimirovich Volodenkov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Sergey Nikolaevich Fedorchenko, Candidate of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University, Mytishchi, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru